

1829.

Олегъ.

I.

Во мглѣ языческой дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны.
Тамъ возносился дубъ высокій,
Священный древностью глубокой;
Какъ неподвижный царь лѣсовъ.
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣли
Кольчуги, сабли и щиты;
Вокругъ—сожженные кусты
И черепа убитыхъ тлѣли...
И пѣсня Лады никогда
Не приносилася сюда!..

II.

Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей;
И ликъ, исписанный искусствомъ,
Былъ смытъ усиленъ дождемъ.
Вдали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ.
Склоненъ невольно къ удивленью,
Пришелецъ чуждый въ наши дни,
Не презирай сихъ мѣстъ: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдовъ сѣверныхъ не разъ
Здѣсь раздавался смѣлый гласъ...

III.

Утихло озеро. Съ стремниной
Молчать туманныя скалы,
И вьются дикіе орлы,
Крича, надъ зеркальной пучиной.
Ужъ челнока съ давнишнихъ поръ
Волна глухая не лелѣетъ;
Кольцомъ вокругъ угрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
Давно ни пѣсь, ни всадникъ смѣлый
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегъ стоитъ теперь?..
Съ какою здѣсь онъ мыслью странной?
Съ мечемъ, въ кольчугѣ; за спиной
Колчанъ и лукъ. Шишакъ стальной
Блеститъ насѣчкой иностранной.

Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская
Недвижныхъ съ озера очей;
И кольца русыя кудрей
Бѣгутъ, на плечи ниспадая.
Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней;
Но непримѣтно впечатлѣній,
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упоительныхъ страстей
И ставъ у цѣпистаго берега,
Онъ къ духу озера воззвалъ:
«Стри-богъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ
Не могъ ты позабыть Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Сверша опасныя набѣги;
Онъ въ честь тебѣ ихъ пролилъ кровь,
И тотъ опять среди сихъ лѣсовъ,
Предъ кѣмъ дрожали печенѣги.
Какъ въ день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растутъ свинцовые валы;
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись дѣною скалы.
Возсталъ въ срединѣ столбъ туманный.
Тихонько видъ мѣняя странный,
Яснѣй, яснѣй, яснѣй... и вотъ
Стри-богъ по озеру идетъ.
Глаза открытые сіяли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые волосы бѣжали
По голымъ персямъ старика.

IV.

...Ахъ! было время, время боевъ
На милой нашей сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я выдалъ.
И громкій голосъ ихъ слыхалъ
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль,—
Они на темносізыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ. Щиты въ рукахъ могучихъ;
Ихъ тѣшить бурь знакомый вой
Сплетаая цѣпью воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой